

Срочное донесение с северных рубежей рухнуло на землю подобно упавшей звезде и разорвалось у стен Дворца Цзиньлуань.

Тридцать тысяч конников предали свои мечи.

Они не поднимали драконьих стягов, не служили Сыну Неба, а в качестве знамени несли свиток кровавого указа, скандируя на весь мир: «Мандат Небес принадлежит Се!»

Над городской стеной свирепствовал ледяной ветер, поднимая метель. Се Линь был прикован железной цепью к каменному столбу. Его одежда превратилась в лохмотья, а запекшаяся на запястьях кровь покрылась черной коркой. Он поднял голову, глядя на развевающееся на ветру «знамя» — это была та самая оборванная страница из Истории гибели Великой династии Инь, которую он собственными руками переписал в прошлых жизнях. Чернила на ней пропитались кровью, каждая строчка звучала как плач, каждое слово — как проклятие.

Это были чернила, которые он вываривал сорок девять дней, макая сломанный палец в кровь из собственного сердца и смешивая ее с мхом из холодного дворца. Это было самое глубокое проклятие, посланное им этому миру, и его последние предсмертные слова.

Теперь же оно стало боевым знаменем.

Он рассмеялся, и от этого смеха в горле запершило от солоноватого привкуса крови. Кровавая пена выступила из уголков его губ, окрасив железные цепи в багровый цвет.

— То, во что вы верите... — прохрипел он, и ветер разорвал его голос, однако тот все равно вонзился в каждое ухо, — вовсе не я. Это правда, признать которую вы не смеете сами.

Под стенами тридцать тысяч всадников стояли с клинками, напоминавшими густой лес, но никто не решался сделать шаг вперед.

В их глазах не было жажды убийства — лишь страх, словно они увидели ту самую страницу на самом дне собственной души, которую боялись открыть больше всего: сожженные летописи, стертые из памяти невинные души и искаженную правду.

Один старый солдат опустился на колени, прижавшись лбом к снегу, и дрожащими руками поднял свиток указа:

— Я... я много лет назад видел его у стен Исторического управления. Он дал мне лепешку и сказал: «У тебя хорошая память, не позволяй правде сгнить у тебя в животе»... Я прятал полстраницы его рукописи тридцать лет... Сегодня она ожила.

Ветер внезапно стиг.

Нацарило мертвящую, железную тишину.

В этот самый момент стук копыт разорвал тишину, приближаясь подобно грому.

Вороной конь прорвался сквозь бурю. Седок был облачен в черные, как тушь, одежды, а на его обшлагах клубились темные облака — это был не кто иной, как глава кабинета министров Цэнь Чжао.

На нем не было ни доспехов, ни меча — лишь бесформенный кинжал без ножен висел на поясе, и хотя клинок не отблескивал на свету, от него исходил пронзительный холод.

Он доскакал до городской стены, поднял руку, и три полосы ледяного света рассекли воздух.

У гор трех мятежных военачальников мгновенно проступили тонкие кровавые линии, и они рухнули с коней замертво, даже не успев испустить крик ужаса.

Кровь брызнула на снег, ослепительно-красная.

Солдаты заволновались, но никто не посмел шевельнуться.

Цэнь Чжао соскочил с коня, уверенным шагом поднялся по ступеням на крепостную стену и остановился прямо перед Се Линем.

Он поднял руку, снял с плеч собственный черный плащ и набросил его на Се Линя.

Се Линь поднял глаза. Его взгляд был острым, как нож, но в нем не было ненависти — лишь пустое, выжженное спокойствие.

— Ты пришел убить меня? — спросил он.

Цэнь Чжао покачал головой. Его кончики пальцев легко коснулись запекшейся крови на губах Се Линя, словно он боялся спугнуть чей-то сон.

— Нет, — прошептал он. — Я пришел вместо тебя стать летописцем этой смутной эпохи.

Едва договорив, он подхватил Се Линя на руки, оттолкнулся носком сапога и вскочил на вороного жеребца. Конь помчался по снегу, рассекая ветер, а тридцать тысяч всадников позади них дружно рухнули на колени, упершись клинками в землю, и в один голос закричали:

— Мандат Небес принадлежит Се!

Среди бушующей метели свиток с кровавым указом подхватило ветром, и он взмыл в небеса, подобно подбитой птице, но никто не бросился в погоню.

На крепостной стене остались лишь три тела и не растаявшие лужи крови.

Этой же ночью Цэнь Чжао отдал тайный приказ верным людям сжечь во дворец все записи, касавшиеся Се Линя, а также бросить в огонь чернильницы, подставки для кистей и старые одежды, которыми тот пользовался при жизни.

Отсветы пламени отражались на его бледном лице.

Он собственными руками открыл потайной ящик в самом глубоком углу императорского кабинета и извлек стопку пожелтевших страниц — это был черновик Истории гибели Великой династии Инь из прошлой жизни Се Линя. На каждой странице виднелись следы засохшей крови, а подпись везде гласила: Переписано с уважением Цэнь Чжао, в знак вечного разрыва в двадцать третий год Тяньци.

Его пальцы скользнули по следам туши, и он тихо произнес:

— То, что ты не успел дописать, я допишу за тебя. То, о чем ты не смел сказать, я скажу за тебя.

Он приказал сделать ночные копии в количестве семидесяти двух штук и спрятать их в подземных святилищах семидесяти двух буддийских храмов по всей стране. Каждое подземелье было скрыто под прикрытием сутр, запечатано пеплом от благовоний и заперто на медный замок в знак священной клятвы.

— Если спустя сто лет кто-нибудь станет рыть землю в поисках правды, — прошептал он, обращаясь к пламени свечи, — пусть они прочтут не императорские указы, а кровь безумца.

Он лично сопровождал последнюю копию до монастыря Цзигуан на юго-западной окраине.

Старый монах в обители уже достиг векового возраста и ослеп, но когда Цэнь Чжао протянул ему свиток, он вдруг открыл глаза, и его иссохшие руки задрожали, оглаживая бумагу.

— Эти чернила... это кровь рода Се.

Цэнь Чжао замер.

А старый монах улыбнулся, обнажив беззубый рот:

— Двадцать лет назад сюда приходил один безумец и говорил: «Если во всем мире не найдется никого, кто осмелится помнить, пусть сам Будда помнит за него». Он зарыл нефритовую шпильку под статуей Будды и сказал: «Когда она пустит росток, правда оживет».

Зрачки Цэнь Чжао сузились.

Та самая нефритовая шпилька — это была та самая ее половинка, которую он прятал у своего сердца двадцать лет, чтобы поддерживать угасающую душу Се Линя.

— Он... сказал что-нибудь еще?

Старый монах закрыл глаза:

— Он сказал: «Если Цэнь Чжао умрет, я обращу кровью в чернила и испишу всю вашу фальшивую историю».

Цэнь Чжао долго молчал, после чего достал из-за пазухи еще не скопированный кусок рукописи — то, что он собственноручно переписал этой ночью. Последняя фраза была добавлена им от себя:

— Се Линь не сошел с ума. Сошел с ума этот мир.

Он бросил исписанные листы в курительницу перед статуей Будды. Языки пламени взметнулись вверх, и пепел разлетелся, словно бабочки.

— Ты был прав, — прошептал он в пустоту. — Я слишком боялся твоей смерти, оттого и позволил тебе дожить до безумия.

Поздней ночью он вернулся в свое поместье, толкнул дверь и вошел — свечи еще не догорели.

Се Линь сидел за столом босиком, закутанный в его черный плащ, и тупой кисточкой, макая ее в застывающие слезы свечи, выводил на бумаге иероглифы.

Почерк был кривым, но до боли, до разрыва сердца знакомым — это был почерк из его прошлой жизни.

— Что ты пишешь? — спросил Цэнь Чжао.

Се Линь даже не поднял головы:

— Пишу о тебе.

Цэнь Чжао подошел ближе и увидел на бумаге лишь одну фразу:

— Он проглотил Пилюлю Забытой Души, инсценировал собственную смерть и ускользнул, чтобы подарить мне новое рождение. Он взял на себя мою вину, спрятал мою историю и вынанил мое безумие.

Дыхание Цэнь Чжао замерло.

— Ты... вспомнил?

Се Линь наконец поднял глаза. Его глазные яблоки были красными, но в них больше не было безумия — только тяжелая, глубокая боль.

— Я должен был вспомнить это намного раньше, — хрипло произнес он. — Почему ты не сказал мне раньше?

Цэнь Чжао не ответил. Он молча снял верхнюю одежду и медленно распустил завязки нижнего халата.

На груди темнел узор, похожий на переплетенные лианы. Буквы были тонкими, как волосы:

— Жизнь за жизнь, кровавый указ не угаснет.

Се Линь с силой бросился вперед, его дрожащие пальцы коснулись этой надписи, и слезы хлынули из глаз.

— Ты... ты выпил лекарство и разыграл смерть вовсе не ради спасения собственной жизни... Ты сделал это, чтобы запечатать мою душу.

Цэнь Чжао легко усмехнулся, проводя пальцами по его макушке, точь-в-точь как в прошлых жизнях в холодном дворце:

— Если бы ты не сошел с ума, ты бы не выжил. Если бы ты не сошел с ума, этот мир и впрямь превратился бы в ту катастрофу, которую никто не смеет описать в исторических хрониках.

Се Линь взревел, бросившись ему на грудь, и впился ногтями в его спину:

— А теперь? Теперь я проснулся, что ты будешь делать?

Цэнь Чжао обнял его, и голос его звучал так тихо, будто он боялся спугнуть дуновение дыма:

— Если ты умрешь, я напишу еще один свиток и заставлю тебя перерождаться десять раз.

Се Линь прокусил себе палец, и капля крови упала на узор на груди Цэнь Чжао, мгновенно впитавшись, словно тушь в бумагу.

— На этот раз, — всхлипнул он, — моя очередь продлевать тебе жизнь.

За окном стиг снег.

Лунный свет, чистый и прозрачный, падал на лежащий на столе свиток с еще не высохшим кровавым указом — на нем появилась новая строчка, чернила еще не застыли, но уже пустили корни:

— Мандат Небес принадлежит не императорской власти, а тем, кто осмеливается говорить правду.

И эти кровавые буквы несомненно были написаны рукой Се Линя.

Но тот, кто вывел их, больше не был безумцем.

Он был летописцем.

Он был живым человеком.

Он был одним из тех двоих, кто отказался признавать поражение.

<http://bllate.org/book/19340/1891105>